

Научная статья

УДК 82-144

DOI 10.17223/18137083/82/6

**Конструирование исторической памяти о Сибири
в русской литературе 1820-х годов:
баллада А. Н. Муравьева «Ермак»**

Евгения Евгеньевна Анисимова

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

Аннотация

Статья посвящена жанровому аспекту литературных произведений, в которых генерировалась историческая память о завоевании Сибири. Материалом выступила баллада А. Н. Муравьева «Ермак», рассмотренная в контексте историографии и художественной словесности своего времени. Как показано в статье, разработанная в 1800–1810-е гг. жанровая модель применена к необычному для баллады материалу – истории Сибири, что позволило поэту переосмыслить «Ермаков сюжет» в перспективе актуальных для эпохи исторических и культурных вызовов: кажущееся «мертвым» и словно канувшим в Лету / Иртыш историческое прошлое согласно законам жанра «оживало» и вторгалось в актуальное настоящее.

Ключевые слова

А. Н. Муравьев, В. А. Жуковский, баллада, Ермак, Сибирь, сибирский текст

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275 «Ермак в русской словесной культуре: конструирование образа, коммеморативные практики», <https://rscf.ru/project/23-28-00275>

Для цитирования

Анисимова Е. Е. Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А. Н. Муравьева «Ермак» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101. DOI 10.17223/18137083/82/6

**Creating the historical memory of Siberia in Russian literature
of the 1820s: the ballad “Ermak” by A. N. Muravyov**

Evgeniya E. Anisimova

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

Abstract

The paper focuses on the genre aspect of literary works, in which the historical memory of the conquest of Siberia was generated. The ballad “Ermak” written by A. N. Muravyov, consid-

© Анисимова Е. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 87–101

ered in terms of historiography and fiction of its time, served as the primary source. The study has revealed that the ballad genre model developed in the 1810s was implemented in the material not common for ballads, i.e. the history of Siberia. Such an approach allowed the poet to revise the “Ermak’s plot” taken from the late-medieval chronicles and poetry of modern times in the context of current historical and cultural challenges of the post-Napoleonic era. Muravyov was the first to adapt the “imported” European genre of a literary ballad with its chronotope to the thematic space of the Russian eastern periphery and presented the history of Siberia as a fully-fledged and meaningful part of the country’s history. Thus, it is not the ethnographic details of the journey beyond the Urals, but the problem of historical memory and the symbolic monument to Ermak that the poet focuses on. The constructive and semantic dominant of this genre, i.e. the invasion of the past into the present in the guise of “alive” and “dead” allowed the poet to actualize the memory of the conquest of Siberia in the national memory and revise the image of Ermak image within a framework of the genre form and the spirit of the time.

Keywords

A. N. Muravyev, V. A. Zhukovsky, ballad, Yermak, Siberia, Siberian text

Acknowledgments

The research was supported by Russian Science Foundation no. 23-28-00275 “Yermak in Russian Verbal Culture: Construction of the Image, Commemorative Practices”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00275>

For citation

Anisimova E. E. Creating the historical memory of Siberia in Russian literature of the 1820s: the ballad “Ermak” by A. N. Muravyov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 87–101. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/6

Андрей Николаевич Муравьев – поэт второго ряда, более известный современникам своими духовными сочинениями. Однако творческий путь он начал как светский писатель, причем одно из его ранних произведений – баллада «Ермак» (1823) – стало литературным событием и перечислялось некоторыми современниками в одном ряду с «Борисом Годуновым» А. С. Пушкина. Так, М. П. Погодин 9 октября 1826 г. записал в своем дневнике: «Слуш<ал> Мур.<авьева> и был в восхищении: “Тень Ерм.<ака>”, “К Волге”, “Новг.<ород>” и “Потоп”. Каково!» (цит. по: [Вацуро, 1989, с. 229]). 20 ноября 1826 г. П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу сообщал о чтении трех произведений – «Бориса Годунова», «Ермака» и трагедии «Владимир» «молодого Муравьева», «писанной в формах французских, но в духе германском. Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования» (Архив братьев Тургеневых, 1921, с. 48).

«Ермак» был опубликован сначала в «Северной лире на 1827 год», а затем – в авторском сборнике «Таврида», вышедшем в том же году. В структуре «Северной лиры» и «Тавриды» баллада Муравьева каждый раз оказывалась в контексте произведений, размечавших своего рода литературную карту империи. Особое внимание поэта привлекали недавно включенные в состав России Крым и Закавказье. Сибирь, присоединенная на рубеже XVI и XVII вв., под это правило не подходила, но ее отдаленность, малоизученность, экстремальность связанных с ней реалий всякий раз «освежали», «обновляли» в глазах читателя ее символический облик. Зауралью посвящены две баллады Муравьева – «Ермак» и «Эскимось», представляющие собой дилогию – с учетом жанрового и мотивно-образного единства (герои-инородцы, суровая северная природа, гибель в воде и т. д.). Парадоксально, однако, что эти «северные» по своим обстановочным деталям произведения тесно связаны с муравьевскими сюжетами на «южные» темы. Так,

ближайшим «южным» контекстом «Ермака» оказываются стихотворения, вошедшие в состав «Тавриды» и «Северной лиры на 1827 год», а также задуманная в 1820-е гг. неоконченная религиозная поэма «Потоп».

Несмотря на свой интерес к имперской периферии и геопозитические акценты Муравьев не слишком педалировал этнографическую проблематику в раннем творчестве, тем более что далеко не во всех воспетых им краях он побывал лично. И если «крымская» составляющая «Тавриды» действительно основывалась на впечатлениях реальной поездки, то Персия, Сибирь и другие отдаленные пространства описывались скорее умозрительно. О заметном небрежении этнографией свидетельствуют модернизированная речь инородцев [Хохлова, 2001а, с. 96], а также встречающееся в текстах забавное смешение реалий: например, фигурирующая в стихотворении «Ермак» остяцкая юрта названа южнорусским словом «курень» («Смотри, уж выюга перестала, / Здесь недалеко мой курень» (Муравьев, 1984, с. 126)).

Цель статьи – на ярком, показательном и малоизученном примере исследовать одну из тенденций художественного освоения истории Ермака, каковое свершилось здесь в поэтическом русле баллады. В более общем смысле мы постараемся конкретизировать функции исторической разновидности жанра, эстетическое острие которого в данном случае направлено на довольно неожиданную тему: поход Ермака. Современные Муравьеву опыты в тематических границах, очерченных мифом о покорителе Сибири, скорее подталкивали к трагедийной (Рылеев, Хомяков [Библиография Ермака, 1891; Лагутов, 1985, ч. 2, с. 15–20; Янушкевич, 1997]) разработке сюжета, обретшего общенациональную славу после публикации IX тома карамзинской «Истории государства Российского» (1821). Несомненно, варьирующая трагический модус баллада тем не менее насыщает конфликт рядом закрепленных именно за нею мотивов, обозначая иные традиции и в целом культурные модели, в оптике которых вдруг оказывался Ермак. Речь в первую очередь идет об особой, литературно-поэтической, версии исторической памяти, необходимые мотивно-образные конструкты для которой содержала каноническая баллада, тщательно разработанная в первые десятилетия XIX в. Жуковским: рассечение времени на настоящее и прошлое в обликах «живого» и «мертвого», напряженное звание героя к минувшему, ответное появление призрака из мира теней и т. д.

* * *

Вначале обратимся к источникам баллады Муравьева. Основным в их перечне стал раздел о покорении Сибири из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Как можно видеть, детали гибели Ермака и усваиваемая балладой риторика исторической памяти взяты автором именно из этого исторического сочинения:

«Ермак» Муравьева

Их вождь был скован из железа,
И нашей смерти чужд он был!
В Иртыш, – ночью полный грезой,
Прыгнул, проснулся и поплыл.
И близок был к ладьям союзным –
Быть может, он бы достигнул, –

«Первое завоевание Сибири.
1581–1584 гг.» Карамзина

<...> сам Ермак, пробужденный
звуком мечей и стоном издыхающих,
воспрянул... увидел гибель, махом саб-
ли еще отразил убийц, кинулся в бур-
ный глубокий Иртыш и, не доплыв
до своих лодок, утонул, отягченный

Иртышу показался грузным –
Иртыш взревел – он потонул!
<...>
Тебя ль, герой –
Иртыш залил неумолимой
И погребальной волной?
Великого покрылась сила. –
Утешься, грозный богатырь! –
Пускай Иртыш твоя могила! –
Надгробный памятник – Сибирь!
(Муравьев, 1984, с. 128–129)

железною броней, данною ему Иоанном... Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память! (Карамзин, 1989, стб. 240)

Вопрос заключается в том, как карамзинская риторика преобразовалась под пером Муравьева в художественность. Так, в работе историографа сообщалось о мистических событиях после смерти Ермака, граничащих с житийными посмертными чудесами: «плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться», «страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца», «многие чудеса совершились над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный» (Карамзин, 1989, стб. 241). В основу сюжета своей баллады Муравьев кладет именно эти «страшные видения», поместив их, однако, в координаты не агиографического, а балладного жанра. Основным источником карамзинской главы «Первое завоевание Сибири. 1581–1584 гг.» явилась, как известно, Строгановская летопись, тексту которой он методично следовал вплоть до описания гибели Ермака [Анисимов, 2005, с. 58–96]. Однако о посмертной судьбе казачьего вождя в ней не говорилось. Источником этих сведений стала для Карамзина «История Сибирская» С. У. Ремезова, в которой соединились установка на фактографичность, с одной стороны, и агиографические традиции, с другой. В своих примечаниях Карамзин периодически ссылается на Ремезовскую летопись, дополняя Строгановскую сведениями из нее. Особенно много ссылок на Ремезова в финальной части комментариев, где сказано о многочисленных «небесных знамениях» (Карамзин, 1989, стб. 157–163). Именно этот слой карамзинского текста оказал наиболее сильное влияние на историческую балладу Муравьева.

В труде Ремезова Ермак предстает не только историческим деятелем, но и христианским подвижником, продвинувшим православную веру далеко на восток государства, сражавшимся с мусульманами и привлекавшим на свою сторону язычников [Блажес и др., 1982, с. 95–106]. Закономерно, что в «Истории Сибирской» после сцены гибели Ермака поминаются, согласно житийному канону, посмертные чудеса, к которым Карамзин отнесся впоследствии очень внимательно.

Более того, сочинение Ремезова содержало ту двойную оптику восприятия действительности, которая позднее определит сюжет муравьевской баллады, где Ермака-мертвеца чудесным образом видит только герой-остяк: «Ермак жь вашъ лѣжить на Баишевском кладбище под сосною, и родителници ваша дни столбы огненней над нимъ и в ыные свѣча кажется татаромъ, русским жѣ не кажѣтца» (Ремезов, 1989, с. 565). Карамзин передал этот фрагмент так: «страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище под кудрявою сосною <...>; многие чудеса совершались над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный» (Карамзин, 1989, стб. 241). Вероятность

того, что Муравьеву был знаком первоисточник, «Сибирская история» Ремезова, невысока, однако заимствования из нее, читающиеся на страницах «Истории государства Российского», были развиты и усилены младшим поэтом в полной мере. Еще один лейтмотив «Сибирской истории» и труда Карамзина – стремление мусульман стереть память о Ермаке – также творчески переосмыслиется Муравьевым, о чем пойдет речь ниже.

Круг литературных источников «Ермака» представляется не менее обширным. Как мы знаем, образ покорителя Сибири в русской литературе был востребован в широком репертуаре жанров – от трагедии до романа. По воспоминаниям самого Муравьева, «Ермак» создавался под влиянием одноименного стихотворения И. И. Дмитриева: «Раич представил меня сему ветерану наших поэтов и весьма назидательна была для меня его умная беседа <...> Услышав однажды от Раича, что я написал небольшое стихотворение “Ермак”, как бы в подражание его вдохновенной песне о завоевателе Сибири, он непременно потребовал, чтобы я прочел ему мои стихи, и в награду за это прочел мне собственного “Ермака”» (Муравьев, 1871, с. 7–8). Однако Муравьев существенно переработал первоначальный сюжет, добавив историческую дистанцию и сменив жанровые коды произведения.

В обращении к теме гибели Ермака ближайшим литературным предшественником поэта был К. Ф. Рылеев, написавший незадолго до Муравьева думу «Смерть Ермака» (1821) и акцентировавший в ней сюжет об утонувшем под тяжестью лат воине. В контексте дум Рылеева «железная броня», пожалованная Ермаку Иоанном IV, воспринималась в идеологическом ключе: роковой дар царя оборачивается катастрофой для героя. В свою очередь, крайне характерно, что этот ключевой эпизод рылеевского произведения был создан под явным влиянием баллады Жуковского «Мщение» (1820), написанной и опубликованной годом ранее. Об этом свидетельствует ритмическая и лексическая близость текстов:

«Смерть Ермака» Рылеева

Иртыш волнуется сильней –
Ермак *все силы напрягает*
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

<...>

Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя
Стал гибели его виною
(Рылеев, 1971, с. 145).

«Мщение» Жуковского

Он выплыть *из всех* *напрягается сил:*
Но *панцирь тяжелый* его утопил
(Жуковский, 2008, с. 146).

Творчество Жуковского представляло интерес для Рылеева и литераторов его круга. Так, в 1817–1818 гг. младший поэт пробует силы в жанре баллады и пишет собственную «Людмилу», сюжет которой является предысторией одноименной баллады великого предшественника. К началу 1825 г. относится полемика А. С. Пушкина с будущими декабристами по поводу роли первого русского романтика в отечественной словесности. В ответ на ставшую впоследствии крылатой фразу Пушкина в защиту Жуковского «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей?» (Пушкин, 1996, с. 135) К. Ф. Рылеев дал следующий комментарий: «Не совсем прав ты и во мнении о Жуковском. Неоспоримо, что Жук.<овский> принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихо-

творный слог наш – и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за влияние его на дух нашей словесности (выделено Рылеевым. – Е. А.), как пишешь ты. К несчастью влияние это было с лишком (sic. – Е. А.) пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали» (Пушкин, 1996, с. 141–142). Неудивительно, что Рылеев в своей «Смерти Ермака» посчитал возможным воспользоваться «слогом» Жуковского, изменив при этом его «дух»¹. Если герой «Мщения» наказан за свое преступление перед рыцарем, то рылеевский Ермак тонет вследствие губительной связи с высшей властью и принятия царского дара. Муравьев предпочел исключить из своей баллады тот политический контекст, который был привнесен в «Ермаков сюжет» Рылеевым, сохранив ассоциацию с Иваном IV и его концепцией «грозной власти» лишь в устойчивом эпитете «грозный», повторенном в тексте семь раз.

Сам Муравьев не избежал не только опосредованного, но и прямого влияния баллад Жуковского на собственное творчество. В мемуарной книге «Знакомство с русскими поэтами» он назвал Жуковского в ряду авторов, воздействовавших на него в пору работы над «Ермаком». Если Дмитриев, Державин и Карамзин, по его мнению, были представителями «старой славной эпохи», то «нов[ым] поколение[м] литераторов являлись Крылов, с своими чудными баснями, и Жуковский, создавший особый род романтической поэзии, и остроумный князь Вяземский» (Муравьев, 1871, с. 8). Младший поэт был хорошо знаком с творчеством русского балладника и синтезировал литературные традиции конца XVIII в. с новой романтической поэзией XIX столетия. Например, к нескольким стихотворениям «Тавриды» поэт сделал жанровый подзаголовок «баллада», а в переписке и воспоминаниях нередко именовал аналогичным образом многие свои произведения. Например, «Арфа» Муравьева писалась в творческом диалоге с «Эоловой арфой» Жуковского, а баллада «Перекасти-поле» была создана как народная версия «Ивиковых журавлей» (Муравьев, 2007, с. 400, 406–407).

* * *

Обратимся к образам Ермака и Сибири. Итак, «Ермак» (1794) Дмитриева строился на диалоге сибирских шаманов (Младого и Старца), Муравьев же поместил в центр повествования диалог героев разных сознаний – мифологического («младой» Остяк) и культурного (Путник). Разница между ними не столько возрастная, сколько стадийная: один принадлежит настоящему, другой – навеки остался в прошлом. Функция дмитриевского героя-старца сохраняется в тексте только имплицитно: остяк рассказывает предание, которое слышал от предков. Третьим героем «сибирской» баллады становится сам «грозный мертвец» Ермак.

По наблюдению современных исследователей, в «Ермаке» Дмитриева уже присутствовали некоторые черты «протобалладной» поэтики, в первую очередь, «эстетика “страшного” и суггестивная образность» [Петров, Колесникова, 2021, с. 75], а также «демонический образ Ермака» [Там же, с. 76]. При этом жанровые доминанты произведения были иные – одическая и поэзная [Там же, с. 75]. Муравьев, писавший свою версию «Ермака» спустя три десятилетия уже в ином историко-литературном контексте, использовал не только характерную атмосфер-

¹ В. Б. Лагутов в специальной работе об исторической балладе квалифицирует думы Рылеева как «балладу пропагандистскую» [Лагутов, 1984, ч. 1, с. 33].

ность, но и лежащий в основе балладного конфликта диалогово-ролевой треугольник: олицетворяющий установленный миропорядок Путник – испытуемый / жертва Остяк – пересекающий границу демонический Ермак. «Образ завоевателя, способного преодолевать любые преграды» [Анисимов, 2005, с. 73], сформировавшийся в народной культуре, точно соответствовал функции inferнального балладного героя, свободно пересекающего границы миров. Для Ермака оказываются проницаемы все рубежи – географические (Сибирь) и вещественные (лед на Иртыше, который проламывает изнутри утопленник).

Стихотворение И. И. Дмитриева не предусматривало посмертной активности покорителя Сибири: в этом смысле добавленный младшим современником демонизм персонажа существенно обновляет исходную схему. В «Ермаке» Муравьева именно эта активность, выход балладного героя и одновременно исторического лица за пределы отмеренного ему срока жизни определяет конфликт и жанровую природу произведения. Завоеватель Сибири, подобно мертвому жениху, приходит в мир живых после своей смерти и «забирает» то, что ему принадлежит по праву (Сибирь, завоеванные народы и т. д.).

Зачин муравьевского «Ермака» включает в себя узнаваемые признаки сибирского текста [Тюпа, 2009, с. 254–264] и строится как история путешествия, куда в определенный момент вторгается балладное начало, а затем начинается в нем преобладать. Проследим, какие слои «геопоэтики» Сибири были задействованы и отрефлексированы автором в его произведении. Действительно, для литературных странствий на Восток России наиболее ожидаемым жанровым кодом являлся травелог, в то время как баллада, «импортированный» европейский жанр, «разворачивалась» своим хронотопом, как правило, к западным границам империи, сигнализируя о них характерными особенностями художественного пространства, поэтикой антропонимов, топонимов, рыцарской топики и т. п. В «Ермаке» Муравьева, напротив, история Сибири показана как особая глава в истории России, а главный герой по своему статусу и харизме не уступает другому балладному герою – Наполеону. Обратившись в своем произведении к пространствам по другую сторону Урала, Муравьев предвосхитил исторические баллады А. К. Толстого, в центр которых был выдвинут конфликт европейского начала с азиатским, представленным в русской исторической памяти наследием ордынского ига.

Итак, травелоговое начало в «Ермаке» связано с традиционными сибирскими образами. Баллада открывается картинами северной природы, большой сибирской реки, Иртыша, бескрайних снежных пространств, включает фигуру инородца, а также рассказы последнего об охоте и преданиях предков. Путешествие условного русского европейца, сопровождаемого представителем коренного народа Севера – остяком, развивается в духе представлений о Сибири как «снежной пустыне»:

Путник

Я весь продрог, – мои ресницы
Одною льдиной обросли.
Меня не греет мех куницы. –
Остяк! – куда мы забрели?
(Муравьев, 1984, с. 125)

Чувство страха в «ледяных степях» испытывают оба героя – и путник, и остяк, но их тревоги вызваны разными причинами. Боязнь путешественника связана с особенностями сурового климата и разреженностью сибирского пространства.

Как мы помним, первой «зимней» балладой в отечественной словесности стала «Светлана» Жуковского, в которой поэт трансформировал западноевропейский сюжет о женихе-мертвце, акцентировав особенности национального характера и северной русской природы. Но лейтмотивом этой программной баллады был отнюдь не холод, а метель, дезориентировавшая героиню пространственно и психологически. Баллада Муравьева открывается этим же мотивом:

Путник

Младой остяк! – ненастье в поле!

Останови твой быстрый бег!

Моей стези не видно боле,

Ее занес пушистый снег!

(Муравьев, 1984, с. 125)

Однако далее развивается преимущественно тема сибирского холода. В финальной части стихотворения восставший из мертвых Ермак не просто появляется из воды, а ломает на Иртыше лёд и «льдину подымает», намереваясь, по словам инородца, бросить ее в спутников.

Мотив гибели в воде, как мы знаем, имеет большую культурную историю и не ограничивается балладными сюжетами, «водное» начало в которых, впрочем, тоже весьма влиятельно (ср. «Адельстан», «Варвик», «Рыбак», «Мщение», «Кубок», «Уллин и его дочь» Жуковского и др.). Главные сибирские реки входят в число крупнейших в мире и являются своего рода визитной карточкой региона и государства в целом. Так, Иртыш (вместе с Обью) – самая большая река России – сравнивается в балладе Муравьева с Енисеем (второй по величине рекой). Самый известный сюжет об утоплении воина под тяжестью доспехов связан в русской культуре с историческими воспоминаниями о Ледовом побоище (1242), военном триумфе новгородского князя Александра Невского. Как показывают недавние исследования, мотив утопления тевтонских рыцарей под бременем железных лат укоренен в русской книжности со второй половины XV в. Так, Карамзин не стал включать его в соответствующий раздел «Истории государства Российского». Менее известный средневековый сюжет, к которому, по мнению Д. Островски, восходят более поздние редакции истории о Ледовом побоище, – битва на замерзшем озере 1016 г. Ярослава со Святополком [Ostrowski, 2006, p. 302, 305–307]. Оба сюжета предполагали прочтение истории в религиозных и моральных координатах: Бог и природа словно наказывали тех, кто был неправ.

Говоря о гибели Ермака, Муравьев обходит вопрос о возможной вине казачьего вождя. Скорее причиной смерти оказывается невероятная сила сибирской реки: «Быть может, он бы досягнул, – / Иртышу показался грузным – / Иртыш *взревел* – он потонул!» (Муравьев, 1984, с. 128). По всей вероятности, сюжет об утоплении в воде осложнялся для Муравьева, будущего духовного писателя, и иными, религиозными, подтекстами. Так, в 1820-е гг. у него родился замысел эпической поэмы «Потоп», с которой он связывал свои главные литературные надежды [Хохлова, 2001б]. К образам водной стихии Муравьев обращается практически во всех стихотворениях «Гавриды», а во второй его «северной» балладе «Эскимосы» он и вовсе создает своего рода модель библейского потопа. Семья эскимосов спасается на ладье, в которую помещается только *пара* человек, в то время как персонажей трое: отец, мать и ребенок. В финале баллады героиня-эскимоска тонет, жертвуя собой и оставляя в «ковчеге» мужа и сына.

В балладной перспективе мотивы гибели в воде и посмертного явления утопленника тесно связаны с темой памяти (ср. фразеологизмы «кануть в Лету» / «кануть в воду», поэтизм «река времен»). Так, смерть Ермака в воде у Муравьева предполагает не только и не столько его физическую гибель, сколько символическое забвение его имени и деяний. В процитированной выше балладе Жуковского «Мщение» слуга не просто бросает труп рыцаря в реку, а стремится самозванчески заменить собою своего хозяина, стирая, таким образом, всякую память о жертве. Потому уже у Жуковского посмертная месть убитого подразумевает и связь с водой (тело рыцаря брошено в реку; в переведенном Жуковским оригинале Л. Уланда – в Рейн), и своего рода активность невинного рыцаря, тянущую убийцу в воду: оседланный слугою-самозванцем хозяйский конь сбрасывает преступника с моста, а похищенный панцирь влечет его на дно.

И хотя мотив посмертного восстановления справедливости здесь, конечно, более значим, чем оживление памяти, общая сюжетная схема позволяет без особого труда сместить акценты. Ермак преступником не был, однако погиб, без следа канув в реку, его могила исчезла (фиксировавшиеся в конце XVII в. С. У. Ремезовым сведения о чудесах от обретенного тела завоевателя своей легендарностью лишь оттеняли факт потери). Значит, в распоряжении поэта остается лишь мотив посмертной активности, подлежащий всемерному усилению: восстание ожившего Ермака из-под льда требует в глазах остяка восстановления памяти о нем и его походе.

* * *

Семантическое ядро баллады как жанра – вторжение прошлого в настоящее. Причем в отличие от некоторых других смежных жанров, например элегии, прошлое врывается в актуальное настоящее внезапно и неотвратимо, подобно явившемуся к живым уже похороненному мертвецу. И в этом смысле всякая баллада связана с проблемой памяти и присутствия прошлого в настоящем. Обратимся к исторической концепции «Ермака» и актуализации прошлого в этой сибирской балладе.

Демонстрируя разницу картин мира сибирского охотника-инородца и просвещенного путешественника, Муравьев использует характерную черту балладной поэтики: двойную оптику восприятия реальности. Генетическая связь фольклорной европейской баллады с загадкой [Шатин, 1997, с. 53–54] в историко-культурной перспективе привнесла в поэтику литературных образцов жанра двойное видение ситуации. Так, диалог невесты и жениха-мертвеца во всех вариациях “Le-pogre” Г. А. Бюргера показывает постепенно нарастающий разрыв между повседневным и inferнальным пониманием событий, а в “Erlkönig” И. В. Гёте и его переводчиков беседа отца и ребенка демонстрирует две параллельные реальности, в одной из которых властвует демонический лесной царь, а в другой – просто «белеет туман над водой». Сюжет «Ермака» подразумевает аналогичную двойную перспективу: остяк, подобно ребенку из «Лесного царя», видит ожившего покорителя Сибири, путник же, как и отец из классической баллады, объясняет происходящее законами природы:

Остяк

<...>

Чу! Слышишь треск? –

Путник

Лед проломался

И затрещал.

Остяк

Неправда! – Он

На наши речи отозвался! –

Путник

Тебя тревожит грозный сон.

Остяк

Что говоришь? Взгляни: – поднялся

Из-подо льда живой мертвец!

Он нам грозит! – Он так являлся –

Другим! – так сказывал отец!

(Муравьев, 1984, с. 125)

Однако в показанной конкретной исторической ситуации ментальные различия персонажей выходят за пределы собственно эстетического восприятия и приобретают современные геополитические смыслы. Если тревога путника была связана с необычным для жителя европейской части России сибирским климатом, то балладный страх инородца вызван вторжением большой истории в привычное для него природно-мифологическое время-пространство:

Путник

Чего ж боишься?

Остяк

Не бояться

С младенчества учились мы;

Стрелой меткой защищаться

Привык остяк! – у нас дома

Не безопасны от набега –

А мы – беспечно в кущах спим

На глыбах родственного снега.

Но деды правнукам своим

В рассказах мрачных передали

Молву о грозном мертвце,

Чей призрак часто здесь видали

(Муравьев, 1984, с. 126).

Остяк Муравьева не обременен исторической памятью («Его (Ермака. – *Е. А.*) мудреное название, / Я прежде помнил, но забыл» (Муравьев, 1984, с. 127))², и только явление «грозного мертвеца» и страх смерти заставляют его вспомнить имя покорителя Сибири:

Остяк

Что говоришь? взгляни: – поднялся

Из-подо льда живой мертвец!

Он нам грозит! – Он так являлся –

Другим! – так сказывал отец!

<...> – Ермак! Ермак!

² Специально об имени Ермака см.: [Блажес, 2002, с. 27–37].

Путник

Ермак?

Остяк

Мне страх напомнил имя!

(Муравьев, 1984, с. 128–129)

В «Ермаке» Муравьева реализуется конструктивно-семантическая доминанта балладного жанра – вторжение прошлого в настоящее, а также включается тесно связанный с ней мотив памяти и сам образ памятника. В финальных строках Путник одновременно и принимает точку зрения остяка, обращаясь словно к присутствующему на Иртыше Ермаку, и сохраняет свое видение ситуации, говоря с ним не как со страшным inferнальным призраком, а как с героем национальной истории:

Утешься, грозный богатырь! –

Пускай Иртыш твоя могила! –

Надгробный памятник – Сибирь!

(Муравьев, 1984, с. 129)

Эти финальные строки показывают, что поэтический диалог Муравьева с И. И. Дмитриевым состоял прежде всего в ответе на риторический вопрос последнего об обелиске Ермака:

Где обелиск твой? – Мы не знаем,

Где даже прах твой был зарыт.

Увы! он вепрем попираем

Или остяк по нем бежит

За ланью быстрой и рогатой,

Прицелься к ней стрелой пернатой...

(Дмитриев, 1986, с. 26)

Сибирь, традиционно ассоциирующаяся скорее с природным ландшафтом, нежели с культурным пространством, под пером Муравьева обретает черты одного из памятников национальной истории. Если в фокусе внимания Дмитриева оказывалось собственно покорение Сибири, то Муравьев обращается к посмертному образу Ермака, оценивая его деятельность в исторической ретроспективе.

Тезис о необходимости помнить о завоевании Сибири и его героях был сформулирован еще летописцем: «всякъ бо чтый да разумѣть и дѣло толика вещи не забываетъ; на воспоминаніе сие писание написахъ, да незабвенно будет толика вещи трудъ» (Сибирские летописи, 1907, с. 46). В конце XVIII – начале XIX в. вопросы о национальной идентичности и знании собственной истории зазвучали иначе с учетом тех исторических вызовов, которые встали перед Россией в новом политическом и культурном контексте. В это время Сибирь как неотъемлемая и крупнейшая часть империи оказывается в фокусе внимания государственной власти и общества, о чем свидетельствуют предпринятые М. М. Сперанским ревизия и реформы региона в 1822 г. (т. е. за год до написания «Ермака» Муравьевым), а также несколько более поздний проект путешествия наследника престола цесаревича Александра Николаевича за Урал. Поэтому риторический вопрос Дмитриева об «обелиске» Ермака, провозглашение «вечной памяти» ему со стороны России, истории и церкви в труде Карамзина точно отвечали духу времени. Жанр баллады, вошедший в русскую литературу в эпоху наполеоновских войн, как никакой другой соответствовал этому запросу: кажущееся «мертвым» и слов-

но канувшим в Лету / Иртыш историческое прошлое согласно законам жанра «оживало» и вторгалось в актуальное настоящее. Ермак как личность и государственный деятель, для которого не существовало никаких границ и преград, идеально подходил на роль балладного героя, а балладный страх был сродни тому, который действительно наводил на обитателей Сибири казачий атаман.

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 304 с.

Библиография Ермака. Опыт указателя малоизвестных сочинений на русском и частью иностранных языках о покорителе Сибири / Сост. Е. В. Кузнецов. Томск: Тип. Губернского Правления, 1891. 33 с.

Блажес В. В. Народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 185 с.

Блажес В. В., Дворецкая Н. А., Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Сибирская литература второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. С. 77–111.

Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 222–241.

Лагутов В. Б. Жанр исторической баллады в русской поэзии первой половины XIX века: В 2 ч. Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1984. Ч. 1. 35 с.; 1985. Ч. 2. 36 с.

Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 1. С. 74–81.

Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.

Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001а. 244 с.

Хохлова Н. А. Эпическая поэма А. Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М.: Наука, 2001б. С. 19–45.

Шатин Ю. В. Мотив и жанр: приход живого мертвеца за жертвой (от «Леноры» Бюргера до «Революционной казачки» Пригова) // Литература и фольклорная традиция: Сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1997. С. 52–63.

Янушкевич А. С. «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы: от Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой: Сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 40–48.

Ostrowski D. Alexander Nevskii's "Battle on the Ice": the Creation of a Legend // Russian History / Histoire Russe. 2006. Vol. 33, no. 2-3-4. P. 289–312.

Список источников

Архив братьев Тургеневых / Под ред. Н. К. Кульмана. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1921. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814–1833 годы. 542 с.

Дмитриев И. И. Соч. М.: Правда, 1986. 592 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ЯСК, 2008. Т. 3. 456 с.

- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Репринт. изд. 1843 г.: В 3 кн. М.: Книга, 1989. Кн. 3. 732 с.
- Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев: Тип. И. и. А. Давиденко, 1871. 35 с.
- Муравьев А. Н.* Ермак // Северная лира на 1827 год. М.: Наука, 1984. С. 125–129. (Лит. памятники)
- Муравьев А. Н.* Таврида. СПб.: Наука, 2007. 542 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 13. 684 с.
- Ремезов С. У.* История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 550–574.
- Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971. 480 с. (Библиотека поэта).
- Сибирские летописи. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 464 с.

References

- Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri 19 – nachala 20 veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – Early 20th centuries: Peculiarities of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, TSU Publ., 2005, 304 p.
- Bibliografiya Ermaka. Opyt ukazatelya maloizvestnykh sochi-neniy na russkom i chastiyu inostrannykh yazykakh o pokoritele Sibiri* [Bibliography of Yermak. The experience of the index of little-known works in Russian and partly in foreign languages about the conqueror of Siberia]. E. V. Kuznetsov (Comp.). Tobolsk, Tip. Gubernskogo Pravleniya, 1891, 33 p.
- Blazhes V. V., Dvoretzkaya N. A., Dergacheva-Skop E. I., Romodanovskaya E. K. Sibirskaya literatura vtoroy poloviny 17 – pervoy poloviny 18 v. [Siberian literature of the second half of the 17th – first half of the 18th centuries]. In: *Ocherki russkoy literatury Sibiri* [Essays on Russian literature of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1: Dorevolutsionnyy period [Pre-revolutionary period]. pp. 77–111.
- Blazhes V. V. *Narodnaya istoriya o Ermake* [Folk story about Yermak]. Yekaterinburg, UrSU Publ., 2002, 185 p.
- Khokhlova N. A. *Andrey Nikolaevich Murav'ev – literator* [Andrey Nikolaevich Muravyov is a writer]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001a, 244 p.
- Khokhlova N. A. Epicheskaya poema A. N. Murav'eva “Potop” [The epic poem by A. N. Muravyov “The Flood”]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 2000* [Monuments of Culture. New discoveries. 2000]. Moscow, Nauka, 2001b, pp. 19–45.
- Lagutov V. B. *Zhanr istoricheskoy ballady v russkoy poezii pervoy poloviny XIX veka: V 2 ch.* [Genre of the historical ballad in Russian poetry of the first half of the 19th century: In 2 pts]. Samarkand, Samarkand State Univ. Publ., 1984, pt. 1, 35 p.; 1985, pt. 2, 36 p.
- Ostrowski D. Alexander Nevskii's “Battle on the Ice”: the Creation of a Legend. *Russian History/Histoire Russe*, 33, no. 2–3–4 (Summer-Fall-Winter 2006), pp. 289–312.
- Petrov A. V., Kolesnikova O. Yu. Ballady I. I. Dmitrieva: zhanrovye strategii i taktiki [Ballads of I. I. Dmitriev: genre strategies and tactics]. *Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2021, vol. 43, no. 1. pp. 74–81.
- Shatin Yu. V. Motiv i zhanr: prikhod zhivogo mertvetsa za zhertvoy (ot “Lenory” Byurgera do “Revoluts'onnoy kazachki” Prigova) [Motif and Genre: The Coming

of the Living Dead for the Victim (from Burger's "Lenora" to Prigov's "Revolutionary Cossack Girl"). In: *Literatura i fol'klornaya traditsiya: sb. nauch. tr.* [Literature and folklore tradition: a collection of scientific works]. Volgograd, VSPi Publ, 1997, pp. 52–63.

Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of literary text]. Moscow, Akademiya, 2009, 336 p.

Vatsuro V. E. Epigramma Pushkina na A. N. Murav'eva [Epigram of Pushkin to A. N. Muravyov]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 13. pp. 222–241.

Yanushkevich A. S. "Ermakov syuzhet" v russkoy literature 1820–1830-kh godov ["Yermakov's Plot" in Russian Literature of the 1820s–1830s]. In: *Motivy i syuzhety russkoy literatury: Ot Zhukovskogo do Chekhova: K 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti F. Z. Kanunovoy: sb. st.* [Motives and Plots of Russian Literature: From Zhukovsky to Chekhov: On the 50th Anniversary of F. Z. Kanunova's Scientific and Pedagogical Activities: Coll. of art.]. Tomsk, TSU Publ., 1997, pp. 40–48.

List of sources

Arkhiv brat'ev Turgeneykh [Archive of the Turgenev brothers]. N. K. Kulman (Ed.). Petrograd, Ros. gos. akadem. tip., 1921, iss. 6. Perepiska Aleksandra Ivanovicha Turgeneva s kn. Petrom Andreevichem Vyazemskim. T. 1: 1814–1833 gody [Correspondence of Alexander Ivanovich Turgenev with Prince Peter Andreevich Vyazemsky. Vol. 1: 1814–1833]. 542 p.

Dmitriev I. I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda, 1986, 592 p.

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: reprint. izd. 1843 g.: V 3 kn.* [History of the Russian state: repr. ed. of 1843: In 3 bks.]. Moscow, Kniga, 1989, bk. 3, 732 p.

Murav'ev A. N. Ermak [Yermak]. *Severnaya lira na 1827 god* [Northern Lyre for 1827]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 125–129 (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments]).

Murav'ev A. N. Tavrída [Taurida]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 542 p.

Murav'ev A. N. *Znakomstvo s russkimi poetami* [Acquaintance with Russian poets]. Kiev, Tipografiya I. i. A. Davidenko, 1871, 35 p.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 19 t.* [Complete works: In 19 vols]. Moscow, Voskresen'ye, 1996, vol. 13, 684 p.

Remezov S. U. Istoriya Sibirskaya [Siberian history]. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, bk. 2, pp. 550–574.

Ryleev K. F. *Poln. sobr. Stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sov. pisatel'. Leningr. otd., 1971, 480 p. (Biblioteka poeta [Library of a poet]).

Sibirskie letopisi [The Siberian chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1907, 464 p.

Zhukovskiy V. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, vol. 3, 456 p.

Информация об авторе

Евгения Евгеньевна Анисимова, доктор филологических наук
WoS Researcher ID O-2265-2017

Information about the author

Evgeniya E. Anisimova, Doctor of Philology
WoS Researcher ID O-2265-2017

*Статья поступила в редакцию 19.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 27.12.2022
The article was submitted on 19.12.2022;
approved after reviewing on 27.12.2022; accepted for publication on 27.12.2022*